

*В.Г. Андреева*

**ПОЭТИКА УСАДЬБЫ В РОМАНЕ В. СТАРОГО «ПЬЕР И НАТАША»  
(СОВРЕМЕННОМ «ПРОДОЛЖЕНИИ» «ВОЙНЫ И МИРА»  
Л.Н. ТОЛСТОГО). СТАТЬЯ ВТОРАЯ\***

**Аннотация**

Целью статьи является анализ ключевых характеристик усадебного топоса, понимание поэтики усадьбы, ее места и значения в романе В. Старого «Пьер и Наташа», представленном самим автором как «продолжение» «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Василий Старой – это псевдоним, под которым писали два автора: А.С. Старостин и Л.Н. Васильева. Отмечается, что роман В. Старого не может быть полностью понят без соотнесения с толстовской эпопеей. Показано непростое ретроспективное отношение авторов конца XX в. к усадебной теме, осмыслены художественные средства воссоздания исторической действительности, а при этом подчеркнуты отрицательные (в первой статье) и положительные (в данной статье) стороны усадебного топоса в романе «Пьер и Наташа». Осмысляются проведенные В. Старым глубокие параллели между произведениями классика различных периодов, между разными автобиографическими героями Толстого. Перечисляются и анализируются важнейшие категории и элементы усадебной жизни дворян, реализованные в романе. Показано, что сравнивая два типа жизни дворян, столичный и уездный, знающий читатель романа В. Старого ассоциативно представляет реалии быта самого Толстого и его семьи, долгое время живших достаточно замкнуто в Ясной Поляне, позднее купивших дом в Москве (в Хамовниках), откуда писатель при возможности уезжал в Ясную Поляну. Описание усадеб и усадебной жизни в романе В. Старого стало одним из основных приемов стилизации повествования под реалии XIX в., а вместе с тем позволило писателю передать свое отношение к эпохе, произошедшим событиям, историческим лицам и вымышленным героям Толстого.

**Ключевые слова**

Василий Старой; Л.Н. Толстой; продолжение романа; дворянство; усадьба; усадебный быт; времяпрепровождение.

\* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

*V.G. Andreeva*

**THE POETICS OF THE ESTATE IN V. STAROY'S NOVEL  
 "PIERRE AND NATASHA" (A MODERN "CONTINUATION"  
 OF L.N. TOLSTOY'S "WAR AND PEACE"). THE SECOND ARTICLE\*\***

**Abstract**

This article aims to analyze the key characteristics of the estate topos, to understand the poetics of the estate, its place and significance in V. Staroy's novel "Pierre and Natasha", presented by the author himself as a "continuation" of Leo Tolstoy's "War and Peace". Vasily Staroy is a pseudonym used by two authors: A.S. Starostin and L.N. Vasilyeva. It is noted that V. Staroy's novel cannot be fully understood without reference to Tolstoy's epic. The complex retrospective attitude of late 20<sup>th</sup>-century authors to the estate theme is demonstrated, the artistic means of recreating historical reality are considered, and at the same time, the negative (in the first article) and positive (in this article) aspects of the estate topos in the novel "Pierre and Natasha" are emphasized. The profound parallels drawn by V. Staroy between the classic works of different periods, and between Tolstoy's various autobiographical heroes, are considered. The most important categories and elements of the estate life of the nobility, realized in the novel, are listed and analyzed. It is shown that by comparing the two types of noble life – the capital and the provincial – the knowledgeable reader of V. Staroy's novel conjures up the realities of Tolstoy's life and that of his family, who for a long time lived in a rather secluded environment in Yasnaya Polyana, later buying a house in Moscow (in Khamovniki), from where the writer retreated to Yasnaya Polyana whenever possible. The description of estates and estate life in V. Staroy's novel became one of the main devices for stylizing the narrative to the realities of the 19<sup>th</sup> century, and at the same time allowed the writer to convey his attitude toward the era, the events that took place, the historical figures, and Tolstoy's fictional characters.

**Keywords**

Vasily Staroy; L.N. Tolstoy; continuation of the novel; nobility; estate; estate life; pastime.

В первой нашей статье речь шла о преемственности романа В. Старого по отношению к роману-эпопее Толстого «Война и мир». При анализе поэтики усадьбы нами были рассмотрены основные жизненные проблемы, с которыми столкнулись герои семей Безуховых и Ростовых во второй, более драматической книге В. Старого. Но чем более ярким и впечатляющим кажется финал романа В. Старого, тем насыщеннее и многограннее, реалистичнее изображена в первом томе усадебная жизнь персонажей. Почти как в романе-эпопее у Толстого перемежаются военные и мирные главы, в «Пьере и Наташе» перетасованы сцены, посвященные частным героям и придворным лицам: императорам, их семьям, приближенным. Немалую роль при организации художественного мира играет усадебный топос. Усадебная тема выдвигается на первый план, когда речь идет о быте и ежедневном обиходе семьи. Вот, к примеру, описание имущественных владений семьи Безуховых:

\*\* The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P (<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>).

...дворец в Петербурге, две усадьбы в Москве, несколько летних дворцов в обеих столицах, один из них в непосредственной близости от Царскосельского императорского дворца, множество слуг, конюшних, тысячи лошадей, охотничьи угодья едва ли не во всех губерниях, окружающих Петербургскую и Московскую [Старой 1996, I, 65].

Как мы видим, Безуховы занимают положение зажиточных, крупно-поместных дворян. Роман открывается изображением просторного кабинета Пьера Безухова, «обитого синим штофом и обставленного мебелью из орехового дерева с синей бархатной покрывкой», в котором бродит в отсутствие мужа Наташа [Старой 1996, I, 9]. В. Старой немалое внимание уделяет описанию бюро в кабинетере Пьера – «работы знаменитого мебельного мастера Гамбса» [Старой 1996, I, 9]. Конечно, это авторская стилизация под век, но в начале романа она вполне справляется со своей функцией – иллюстрацией соответствия. Известно, что Г.Д. Гамбс стал основателем в России сети мебельных магазинов, что «гамбсова мебель» в XIX в. отличалась высоким качеством, она нашла отражение в литературе: кресло работы Гамбса стояло в кабинете Пушкина, о мебели из магазинов Гамбса упоминается в «Отцах и детях» Тургенева, где рассказано о кресле, в котором сидит Павел Петрович Кирсанов.

В. Старой подробно описывает бюро в кабинете Пьера «с патинированной и золоченой бронзой: головками сфинксов у верхнего основания четырех ножек, бронзовыми лапами внизу и накладками в виде розеток, лир, пятиконечных звезд...» [Старой 1996, I, 10], отмечая, что эти украшения понравились Наташе, которая уговорила мужа на покупку бюро, и *Пьер, желавший видеть свой летний кабинет в светлых тонах, подчинился*. Писатель мастерски показывает владение Наташи всем домом, точнее, почти всем: Наташа может владеть только тем, что поддается ее пониманию и осмыслению. Более того, благодаря указанию о подчинении Пьера мнению супруги читатель выстраивает примерную иерархию дворянской семьи, в которой не было, в отличие от крестьянской, явного доминирования мужчины. Наташа в романе В. Старого (вслед за героиней Толстого) продолжает руководить Пьером.

С первых строк в обстановке городской барской усадьбы появляется авторское указание на *порядок* и, наоборот, его отсутствие. Н.Л. Вершинина отметила, что парные понятия порядок / беспорядок основательно характеризуют любой усадебный топос и не могут быть проигнорированы:

...порядок как позитивно создаваемая данность, идея усадебного мира, и беспорядок как несомненный показатель присущей ему ущербности, недостаточности, выведенный тем самым «за скобки» усадебного «рая», – рассматривались в разных онтологических модулях [Вершинина 2014, 116] (Курсив Н.Л. Вершининой. – В.А.).

Читатель узнает, что «кабинет графа Безухова был единственным местом в доме, где графиня Безухова, необъяснимо почему, следила за порядком» [Старой 1996, I, 9]. В. Старой с некоторой долей иронии показывает отношение Наташи к Пьеру: наряду с чувством глубокой привязанности, ревности, уважения, Наташа испытывает и некоторое снисхождение к своему мужу.

И единственное место, остающееся для нее в доме не понятным до конца, — это кабинет Пьера. Здесь Наташа не может властвовать полностью. Но она начинает командовать детьми и гувернантками сразу, как выходит из кабинета, именно поэтому в кабинете недопустим беспорядок, который царит во многих комнатах дома.

Так, приехавшая предупредить Наташу о визите императрицы камер-фрейлина Плетнева видит беспорядок уже в прихожей. Причем этот беспорядок Наташа сама начинает устранять, помогая слугам:

Графиня Наташа проводила взглядом Плетневу, отъезжавшую от крыльца, созвала всех взрослых, сообщила новость и замесалась вместе с ними по первому этажу, рассовывая в углы, чуланы, под диваны все, что попадалось под руку... [Старой 1996, I, 14].

В описании предметов, которые прячутся, показана домашняя, изнаночная сторона жизни семьи, которой руководит в целом привлекательная, но при этом не слишком озабоченная внешней строгостью женщина, как и у Толстого героиня более живая, непосредственная, нежели правильная, выдержанная.

Разумеется, беспорядок в доме Наташи распространяется только на ряд комнат, так как спальни и будуар самой Наташи все-таки находятся в порядке. В. Старой показывает, что, отдав дань своему живому и деятельному характеру, Наташа все-таки быстро возвращается к установленному в дворянской усадьбе уставу жизни, согласно которому хозяйка не должна перенапрягаться. Автор удачно выбирает эпитет «послушно», отмечая, как Наташа забывает про дела:

И графиня Наташа, в самом деле устав от пятиминутного участия в уборке, послушно пошла вверх длинной деревянной лестницей с резными китайскими шарами по обе стороны перил. В будуаре она послушно отдала себя в ловкие руки горбуны Фисы [Старой 1996, I, 15].

Сочетание порядка и беспорядка еще лучше передает живой ритм дома Безуховых: «И порядок, и беспорядочность усадебного жизнеустройства обнаруживают, таким образом, далеко не декларативную содержательность, относительность и взаимообратимость в отношении друг друга» [Вершинина 2014, 117]. Исследовательница также справедливо отметила, что «указанные явления тесно связаны с понятием праздности — еще одной, не до конца осмысленной составляющей усадебного быта» [Вершинина 2014, 117].

В. Старой показывает наличие у Наташи свободного времени, нередко нескольких часов в течение дня, когда героиня предоставлена сама себе. К примеру, несмотря на популярность мотива усадебного чтения, так характерного для художественной и публицистической литературы XIX в. [Андреева 2021], Наташа читать не любит (предоставив это занятие супругу). В. Старой отмечает, что книги для Наташи заменяли пространственные послания из Лысых Гор от графини Марьи Ростовой. В духе толстовской героини Наташа изображена В. Старым слишком живой и активной, чтобы размышлять и переживать над книжным вымыслом, ее намного больше интересуют новости. Кроме того,

на протяжении двух томов читатель видит в Наташе Безуховой настоящую барыню, умеющую тратить время на отдых и использовать с максимальной пользой свои усадебные владения.

Наташа нередко обходит дом и прилегающие территории, легко отдает приказание слугам, причем все домашние понимают ее по кивку головы. Она не всегда последовательна в отношении к слугам, часто импульсивна, однако именно Наташа, а не княжна Марья реализует в романе характерный для России XIX в. «диффузный» характер «усадебной культуры»: «Можно констатировать своеобразный “диффузный” характер “усадебной культуры” XIX в. – взаимопроникновение народной “почвенности” и дворянской “образованности”» [Богданова 2019, 39]. Графиня Марья не может понять «панибратства Наташи с простыми людьми», находя нечто плебейское в ее поступках. Она в целом не может осознать и смысл слов Наташи, которая по пути в Сибирь и в самой Сибири окончательно осмысляет силы, заключенные в жизни простого народа, а также ту огромную и непреодолимую дистанцию, которая была в XIX в. между дворянством и крестьянами. «Я всегда воспринимала мир своих слуг, как нечто подобное животному миру», – пишет Наташа, обращаясь к Марье [Старой 1996, II, 468]. И при всей способности быть снисходительной к слугам и крепостным, Наташа осознает свою равную с ними сущность только вырвавшись из усадебного мира, который отгораживал ее от мира большого и защищал от проблем.

Как и все настоящие барыни, Наташа любит одеваться и наряжаться, хотя это не составляет предмет ее постоянных забав, одежда лишь подчеркивает ее теперь уже женскую полноту и красоту. Порою В. Старой сообщает читателю подробности, упрощающие образ героини. К примеру, читая длинное письмо от Марьи, Наташа в романе ест трюфельные конфеты, причем писатель останавливается периодически на том, как Наташа раскусывает конфету и сразу нащупывает в коробке следующую, потом – еще одну, наконец, «отдает явившейся Дуняше пустую коробку от трюфелей и велит принести себе нюрнбергских пряников и гранатового соку» [Старой 1996, I, 235–236, 238]. Не менее любопытной в романе оказывается тяга Наташи к бане, к хорошей парной. Причем автор подчеркивает не только переносный смысл банных процедур, поскольку в романе в том числе «актуализируется традиционное для многих культур представление о бане как особом пространстве, способствующем внутренней трансформации человека» [Александров 2021, 13]. В. Старой не раз подчеркивает, что владельцы усадеб прекрасно знают благотворное влияние бани, ее омолаживающий эффект. Так, Наташа в бане «выпаривает из себя все яды от расстройства нервов и меланхолии» [Старой 1996, I, 127].

Семья Безуховых живет достаточно скрытно, Наташа в основном пребывает дома с детьми, редко показываясь в свете. Однако писатель четко проводит грань между петербургской и московской городской жизнью и усадебной жизнью в деревне. В столице и Москве высшая знать оказывается вовлеченной в придворные интриги, в отличие от именитого дворянства, проживающего в далеких уездных усадьбах. И в этом плане В. Старой логично продолжает антитезу столичной и загородной жизни, которая была реализована Толстым еще в «Войне и мире». Вспомним, что у Толстого старый князь Николай Андреевич Болконский, прозванный в обществе «пруссским королем» «при Павле был сослан в деревню»:

И в новое царствование, хотя ему и был разрешен въезд в столицы, он также продолжал безвыездно жить в деревне, говоря, что ежели кому нужно, то тот и от Москвы полтораста верст доедет до Лысых Гор... [Толстой 1928–1958, IX, 106].

В романе В. Старого Наташа и графиня Марья продолжают жить по-разному. Наташа вроде бы избегает светской суеты и шума, однако при этом мы видим ее в центре общества: Наташе наносит визит сама императрица, Наташа становится объектом размышлений не только Александра I, но и Николая I. Круг занятий графини Марьи специфичен, он отличается от досуга столичной женщины. Марья предпочитает тишину и походы в Лысогорскую церковь, она, как многие жившие в уездных имениях хозяйки, отдаст свое время детям, музицированию, чтению, хотя, как показывает писатель, и тут ключевую роль в жизни хозяйки усадьбы имеют часы простого пребывания в одиночестве, в воспоминаниях, фантазиях, собственных думах.

Сравнивая два типа жизни дворян, столичный и уездный, знающий читатель романа В. Старого ассоциативно представляет реалии быта самого Толстого и его семьи, долгое время живших достаточно замкнуто в Ясной Поляне, позднее купивших дом в Москве (в Хамовниках), откуда писатель при возможности уезжал в Ясную Поляну. Такие свободные ассоциативные связи героев Толстого у В. Старого и самого классика проводятся достаточно легко не только потому, что в «Войне и мире» Толстой воплотил немало автобиографического, но и потому, что «Пьер и Наташа» зарифмованы в целом и с жизнью Толстого. Финальная, седьмая часть романа «Пьер и Наташа» состоит лишь из одной главы, включающей единственное предложение: «28 августа 1828 года у графа Николая Ильича Ростова и графини Марьи Николаевны Ростовой родился сын ЛЕВ...» [Старой 1996, II, 495]. В. Старой находит мастерский финал, который соединяет литературу, историю и реальную жизнь. В этом окончании романа отражается и творческое преклонение писателя перед классиком, и важная для романа В. Старого мысль о кольцевом движении истории, о повторении на протяжении веков определенных периодов зарождения, развития, становления и переживания идей.

Выше мы уже останавливались на описании одного из интерьеров дома Безуховых, тема описаний внутреннего убранства различных усадеб в романе достаточно обширна. Приведем еще несколько значимых примеров, которые содержат интересные свидетельства. В.А. Доманский отметил, что

важную роль в тексте усадебной повести играют интерьеры: описание комнат, мебели, картин, посуды, библиотек и отдельных книг, фамильных портретов и картин, разных милых безделушек, на что также целесообразно обратить внимание читателей. Это своего рода культурные, исторические, семейные декорации к действию [Доманский 2006, 57].

Одно из примечательных описаний удобной и не очень удобной мебели в романе дано в сцене приезда императрицы в дом Безуховых. Тут автор отмечает, что «графиня Наташа свозила на дачу вышедшую из моды мебель» [Старой 1996, I, 23]. Под дачей в данном контексте понимается один из загородных дворцов, принадлежащий Безуховым. Для стилизации повествования,

насыщения текста историческими фактами и для игры с читателем В. Старой периодически использует реалии XIX в., причудливо обыгрывая их. Наташа и Пьер в романе (первая даже в большей степени) становятся объектами внимания известных современников. После ухода императрицы Наташа смотрит на картину «Всадница» Карла Брюллова, оригинал которой висит у нее в гостиной. В. Старой создает провокацию, поскольку на известном полотне Брюллова изображена Наташа Безухова. Причем эта провокация не только привлекает и интригует читателей, продолжая сложное смешение реального и выдуманного, но и раскрывает характер Наташи. Символично, что В. Старой допускает намеренную оплошность: девочка на картине Брюллова лишь одна, Наташа упоминает про обеих своих дочерей: «Милый Карл явно польстил ей – в жизни она была и старше, и грубей лицом, – зато дочек, Лизу и Машеньку, изобразил похоже. И отлично написал любимую Пьерову болонку Жози...» [Старой 1996, I, 35].

В. Старой не упускает возможности представить Царскосельский дворец Безуховых, а Пьера делает поклонником и другом скульптора Ф.П. Толстого (в жизни – дальнего родственника Л.Н. Толстого). Предметом внимания автора становятся увлечения детей (прогулки на просторах у дворцов) и взрослых (легкоатлетические занятия и т.п.).

В связи с обилием описаний царских покоев и дворцов в романе отметим, что все они представлены не просто так, а в каждом отдельном случае *характеризуют непосредственных владельцев*. В. Старой представляет тонкости восприятия сменяющих друг друга императоров и императриц. К примеру, читатель узнает, что «покои императрицы Марии Федоровны были самым пышно убранным местом при дворе российских императоров» [Старой 1996, I, 274]. В торжественном убранстве этих покоев писатель прочитывает утверждение краткого торжества на русском престоле, которое будет продолжаться, пока жива сама Мария Федоровна.

Отдельное внимание уделяется в романе саду Наташи, любимому месту ее времяпрепровождения. Сад этот делится на плодовую и декоративную части и обслуживается пятью садовниками, постоянно проживающими во флигелях рядом. В. Старой, демонстрируя наполнение зимнего сада, показывает естественную сторону жизни героини: Наташа тянется к природе, а при этом подчеркивает роскошь Безуховых, позволяющую им выписывать из-за границы экзотические деревья в кадках. Наташа не задумывается о том, какие средства позволяют ей жить, ни в чем себе не отказывая. Но она всей душой отдается увлечению растениями, позволяющему забывать о проблемах. Нельзя исключать, что при подготовке романа авторы опирались, в том числе, и на книгу Д.С. Лихачева, посвященную поэтике садов. В. Старой точно передает идею ученого о том, что настоящий сад отвечает всем потребностям человека. Д.С. Лихачев писал:

Хотя сады «кухонные», овощные огороды, «аптекарские» сады лекарственных растений существовали всегда и их, конечно, не следует в обособленном виде включать в рассмотрение истории садов, тем не менее также всегда существовало и представление о том, что истинный сад должен удовлетворять всем человеческим чувствам: не только зрению, но и вкусу (откуда необходимость и плодово-ягодных растений в саду), слуху (отсюда забота о птицах, шумящих

водопадах, эоловых арфах, садовых концертах), обонянию (поэтому постоянное то более, то менее настойчивое требование сажать душистые цветы, душистые травы, цветущие деревья и кустарники), ощущениям... [Лихачев 1998, 23].

Обратим внимание, что сад Безуховых не только приносит владельцам хороший урожай (Наташа наблюдает уборку последних яблок и арбузов), но и дает возможности для иных потребностей и радостей. Во-первых, в саду Наташе нравится находиться одной, ощущая не сознаваемую в других местах городской усадьбы связь с природой и землей: «Когда графиня входила в пределы сада, садовники исчезали, зная, что барыня любит бывать здесь одна» [Старой 1996, I, 256]. Во-вторых, сад для Наташи – предмет гордости, так как он во многом собран ею, а в своей декоративной части «красотою, пестротою и количеством диковин» он способен был поспорить с садом Его Императорского величества [Старой 1996, I, 257]. В-третьих, сад для героини становится улаждением всех органов чувств, это место поистине райского наслаждения: «...все это пестрело и пламенело на фоне напитанного сыростью петербургского дня, наводя на мысли о существовании рая, из коего были мы изгнаны во тьму внешнюю за недолжное поведение» [Старой 1996, I, 257]. Наконец, в-четвертых, сад стал для Наташи местом творческих экспериментов, где она сама выращивала и рассаживала побеги, наблюдала за реакцией растений на разных гостей-посетителей.

При описании сада в усадьбе Безуховых становится понятно, что это для хозяйки самое сокровенное место, «сердце» всего дома и прилегающих построек. Исследователи уже не раз справедливо писали о том, что усадебный дом был своеобразной землей обетованной, местом спасения для его хозяев: «Дворянская усадьба на этапе своего расцвета с середины XVIII до первой половины XIX в. предстает в русской классике как локус спасения, как Эдем, Аркадия, идиллическое место» [Денисов 2018, 27]. Еще раз обратим внимание на важную функцию сада, делающую ее особенным местом для Наташи: в своем саду героиня укрывается не только от внешних проблем, но и от собственных тяжелых мыслей.

Читатель романа приходит к выводу, что спокойная усадебная жизнь, финал которой пришелся на время революции в России, уже в начале XIX в. начала подтачиваться изнутри, причем усилиями самих дворян. Движение декабристов в широком плане можно толковать в романе В. Старого как попытку частного самоутверждения каждого из его участников, одолеваемых тщеславными мечтами, сомнениями и противоречиями. Фактически отказом от семьи и побегом из нее оказывается в романе поведение Пьера. В жажде общественной славы и особого влияния на людей, а потом и ослепленный ревностью к императору Безухов губит не только себя, но и положение своей семьи. «Все было! Чего не жилось, не радовалось человеку, прости, Господи!» – в сердцах говорит горничная Дуняша, когда Наташа провожает Пьера, увозимого жандармами [Старой 1996, I, 467].

В. Старой показывает, как избавляемый далее Наташей от ссылки Пьер по своей глупой ревности к государю вновь оказывается осужденным: общественное и личное начала в романе неразделимы, то, что было бы спокойно воспринято в среде простого народа, неуместно в придворном обществе, где ярко проявляемые искренность и открытость становятся первыми признаками опасности человека.

Глубоко символично, что в финале романа графиня Марья переезжает с детьми в дом Безуховых: руководит ею не столько ссора с мужем, сколько необходимость опеки над детьми Наташи и Пьера. Марья Ростова поднимается в спальню Наташи, на порог которой приходит и Николай Ростов, далее разговор супругов ведется в кабинете Пьера. Окончательного и полного примирения Ростовых, расстающихся из-за измены Николая, мы не видим, но беседа между ними состоялась, а главное – они оказались вместе в усадебной атмосфере дома Безуховых. Благодаря непревзойденным параллелям реального и выдуманного у В. Старого они становятся родителями сына Льва, то есть будущего писателя Льва Толстого, на протяжении всей своей жизни старавшегося преодолеть разрыв двух миров, господского и народного.

Ю.Б. Балашова интересно рассуждает о феномене «дописывания» (который как раз имеет место в «Пьере и Наташе»). Исследовательница делает акцент на диалоге первичного и вторичного текста, вовлечении понимающей аудитории в художественный диалог и актуализации исходного произведения в новую эпоху. Ю.Б. Балашова отмечает, что творческое и искусное освоение текста и его специфическое продолжение требует внимания и творческой работы читателя:

Для восприятия таких жанров, как перепев, подражание, продолжение (дописывание чужого произведения), требуется активность воспринимающего сознания, способного распознать претекст и одновременно – сам игровой сдвиг, искажающий первичную условность текста-источника. Осознание подобной трансформации доставляет удовольствие и массовому и элитарному сознанию, как доставляет удовольствие разгадывание загадки и игра; этот процесс способствует освобождению сознания от власти догм и клише [Балашова 2016, 53].

Таким образом, мы приходим к выводу, что, создавая «продолжение» «Войны и мира», В. Старой смог творчески освоить не только сюжет и характеры Толстого из романа-эпопеи «Война и мир», но и многие факты и события из жизни писателя, художественные элементы из других его произведений и, конечно, отечественной истории. «Пьер и Наташа» – это роман второго ряда, разновидность романа-адаптации, написанный в самом конце XX в., но автору удалось передать в художественном мире и дух эпохи, и ее сложности и противоречия. В «Пьере и Наташе» отражены полюсные точки зрения на декабристов и восстание на Сенатской площади, представлена наиболее близкая к действительности версия, к которой, по всей видимости, вплотную подошел Толстой при подготовительной работе, связанной с декабристской темой. Описание усадеб и усадебной жизни в романе стало одним из основных приемов стилизации повествования под реалии XIX в. Не развешая обаяния усадебной жизни, которое было важнейшей характеристикой толстовского художественного мира (семьи Ростовых и Безуховых), В. Старой творчески освоил многие рассуждения позднего Толстого, связанные с необходимостью упрощения усадебного быта, возвращения хозяев к жизни своей семьей на земле, преодоления разрыва между классами, которые стали основой критического взгляда писателя на внешне благополучный усадебный быт.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Александров И.А. Образ бани как пространство трансформации героя // *Filologos*. 2021. № 1 (48). С. 13–19.
2. Андреева В.Г. Эпистолярное наследие Л.Н. Толстого рубежа XIX–XX веков: мотив чтения в усадьбе // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2021. № 6–1. С. 80–90.
3. Балашова Ю.Б. Феномен «дописывания»: социальная и авторефлексивная функция // *Русская литература и журналистика в движении времени*. 2016. № 1. С. 52–62.
4. Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
5. Вершинина Н.Л. Идея порядка в онтологии усадебного быта (на материале русской литературы XIX века) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 2–2. С. 116–119.
6. Денисов С.Ф., Денисова Л.В. Философско-антропологическая специфика эволюции усадьбы (на материале классической русской литературы) // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2018. № 1 (18). С. 26–30.
7. Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // *Вестник Томского государственного университета*. 2006. № 291. С. 56–60.
8. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, Типография «Новости», 1998. 469 с.
9. Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928–1958.

## REFERENCES

## (Articles from Scientific Journals)

1. Aleksandrov I.A. Obraz bani kak prostranstvo transformatsii geroya [The Image of the Bathhouse as a Space for the Hero's Transformation]. *Filologos*, 2021, no. 1 (48), pp. 13–19. (In Russian).
2. Andreyeva V.G. Epistolyarnoye nasledie L.N. Tolstogo rubezha XIX–XX vekov: motiv chteniya v usad'be [The Epistolary Heritage of Leo Tolstoy at the Turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> Centuries: the Motive of Reading in the Estate]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*, 2021, no. 6–1, pp. 80–90. (In Russian).
3. Balashova Yu.B. Fenomen “dopisyvaniya”: sotsial'naya i avtorefleksivnaya funktsiya [The Phenomenon of “Writing to the End”: Social and Autoreflexive Function]. *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni*, 2016, no. 1, pp. 52–62. (In Russian).
4. Denisov S.F., Denisova L.V. Filosofsko-antropologicheskaya spetsifika evolyutsii usad'by (na materiale klassicheskoy russkoy literatury) [Philosophical and Anthropological Specifics of the Evolution of the Estate (Based on Classical Russian Literature)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*, 2018, no. 1 (18), pp. 26–30. (In Russian).

5. Domanskiy V.A. Russkaya usad'ba v khudozhestvennoy literature XX veka: kul'turologicheskiye aspekty izucheniya poetiki [Russian Estate in the Fiction of the 19<sup>th</sup> Century: Cultural Aspects of the Study of Poetics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 291, pp. 56–60. (In Russian).

6. Vershinina N.L. Ideya poryadka v ontologii usadebnogo byta (na materiale russkoy literatury XIX veka) [The Idea of Order in the Ontology of Estate Life (Based on 19th-Century Russian Literature)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 2–2, pp. 116–119. (In Russian).

### (Monographs)

7. Bogdanova O.A. (Author), Dmitriyeva Ye.E. (Ed.). *Usad'ba i dacha v russkoy literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> Centuries: Topics, Dynamics, Mythology]. Moscow, IWL RAS, 2019. 288 p. (In Russian).

8. Likhachev D.S. *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stiley. Sad kak tekst* [Poetry of Gardens. Toward the Semantics of Landscape Gardening Styles. The Garden as Text]. Moscow, Soglasiye Publ., Novosti Publ., 1998. 469 p. (In Russian).

*Андреева Валерия Геннадьевна,*

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Научные интересы: русская литература XIX в., русский роман, творчество Л.Н. Толстого, литературные иерархии.

E-mail: lanfra87@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4558-3153

*Valeria G. Andreeva,*

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Leading Research Fellow.

Research interests: Russian literature of the 19<sup>th</sup> century, Russian novel, works of L.N. Tolstoy, literary hierarchies.

E-mail: lanfra87@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4558-3153